

Национализм и современная реакция

Роккер Рудольф

1929

I.

Те, кто верил, что после мировой войны националистические тенденции в Европе ослабнут, обманулись в своих ожиданиях. Произошло как раз наоборот. Национализм стал сильнее, чем когда-либо прежде, и сегодня составляет идеологическую основу современной реакции в форме фашизма. Современный фашизм не является движением, возникшим из единого идеологического сообщества; он не только имеет особый характер в каждой стране, но и внутри одних и тех же государственных границ проявляется в самых разных формах – от республиканизма до крайнего монархизма. Единными являются только его военно-путчистские методы и, в определённой степени, расово-националистические взгляды его сторонников. И давайте не будем обманывать себя: это движение, которое всё больше распространяется в самых разных странах, не является просто движением привилегированных классов, хотя несомненно, что оно в значительной степени поддерживается и поощряется ими и в конечном итоге защищает только их интересы. Всем очевидно, что фашизм нашёл определённый отклик и в широких слоях рабочего класса, чему в немалой степени способствовал крах социалистических партий во время войны. Было бы глупо преувеличивать значение этого влияния, но опасно было бы недооценивать его или вовсе игнорировать.

Именно в такое время, как сегодня, когда под влиянием войны и явного обнищания масс произошло ослабление социальных чувств, в время, когда все устоявшиеся понятия были потрясены, а старое и новое смешались в пёстром вихре, опасность такого движения ещё больше и его последствия гораздо более губительны, чем в обычное время. Поэтому прежде всего необходимо занять твёрдую позицию по отношению к националистическим устремлениям и не продолжать двигаться в крайностях, которые находят своё выражение в дешёвых политических лозунгах, как это, к сожалению, слишком часто бывало до сих пор.

Было время, когда большинство течений авторитарного социализма, за несколькими исключениями, понимали понятие интернационализма как полное слияние различных племён и народов в абстрактном представлении о человечестве. В красочном разнообразии народной жизни и языков видели лишь искусственно созданные

препятствия на пути к братству страдающего человечества и мечтали о скорейшей ликвидации всех этих различий, о введении общего мирового языка, который должен был бы заменить все существующие языки, и о тому подобных вещах. Особенно этой идеей увлекался Вильгельм Вейтлинг, который, как известно, в последние годы своей жизни занимался созданием всемирного языка.

Эти наивные представления, сторонники которых не имели ни малейшего представления о глубине проблемы, не исчезли полностью и по сей день, но в целом были вытеснены другими взглядами. Современная социал-демократия, разумеется, не имеет ничего общего с идеями своих предшественников из эпохи так называемого «ремесленного коммунизма». Она также давно отказалась от позиции, которую занимала на протяжении десятилетий и которую Маркс и Энгельс выразили в «Коммунистическом манифесте», когда заявили, что современный пролетарий вообще не имеет родины и поэтому у него нельзя отнять то, чего у него нет.

Идея о том, что для рабочего класса решающее значение имеют не мнимые национальные и политические изменения, а классовые различия и экономические противоречия, сегодня находит лишь немногих сторонников в социал-демократии, хотя старые термины ими по-прежнему используются. Подавляющее большинство их идеологических лидеров уже давно открыли для себя национальные чувства и считают защиту отечества патриотическим и социалистическим долгом. Насколько серьёзно эти люди относятся к этому «долгу», нам с классической ясностью продемонстрировала роковая военная политика почти всех социалистических партий в тяжёлые 1914–1918 годы. А то, что кровавый опыт этих четырёх лет не произвёл значительного впечатления на лидеров немецкой социал-демократии, вскоре подтвердила их позиция в так называемом Рурском конфликте. Они ничего не вынесли из этого урока и снова подчинили элементарные интересы немецких рабочих интересам крупного капитала и тяжёлой промышленности, причём во имя так называемых «национальных интересов», которые на самом деле были интересами «Stinnes & Co».

И не только социал-демократия, но и её «беспокойное дитя», коммунистическая партия, полностью поддалась националистической метафизике и даже пыталась превзойти социал-демократов в патриотических жестах и националистических фразах. Коммунистическая пресса тех дней уже говорила о наступлении Красной армии и решающем сражении на Рейне, так что немецкие национал-большевики, такие как доктор Пауль Эльцбахер и др., не могли сдержать радости.

И всё же именно конфликт в Рурской области в его различных фазах стал самой яркой иллюстрацией капиталистической политики интересов как основы националистической идеологии как по одну, так и по другую сторону Рейна.

Оккупация Рурской области была лишь логическим следствием той же преступной политики капитализма, которая в конечном итоге привела к развязыванию мировой войны и в течение четырёх лет тащила народы на заклание. В этом конфликте решающую роль сыграли противоречия интересов между немецкой и французской тяжёлой промышленностью, которые решили военную силу в пользу Франции. Так же как представители немецкой тяжёлой промышленности во время войны были самыми фанатичными защитниками принципа аннексии, так и теперь за политикой Пуанкаре стояли нескрываемые аннексионные устремления французской тяжёлой

промышленности и её органа, «Comité de forges». Те же цели, которые ранее преследовала немецкая тяжёлая промышленность, позже преследовала французская тяжёлая промышленность. Речь шла об установлении определённых монополий на европейском континенте под властью определённых капиталистических группировок, для которых так называемые «национальные интересы» по-прежнему были идеологическим прикрытием для их жестоких коммерческих интересов. Французская тяжёлая промышленность планировала объединить лотарингские железные рудники с угольными шахтами Рурской области в виде гигантского горнодобывающего треста, который должен был обеспечить ей неограниченную монополию на континенте. А поскольку интересы тяжёлой промышленности совпадали с интересами тех, кто наживался на репарациях, оккупация Рурской области была лишь вопросом времени.

Но прежде чем дело дошло до этого, между представителями немецкой и французской тяжёлой промышленности состоялись переговоры с целью найти мирное, то есть в данном случае коммерческое решение вопроса, из которого обе стороны могли бы извлечь выгоду в соответствии с соотношением своих сил. Такое соглашение наверняка было бы достигнуто, поскольку представители немецкой тяжёлой промышленности не задавали бы вопросов о так называемых интересах Германии, пока бы они не обеспечили себе прибыль. Но поскольку английские угольные магнаты, для которых создание «Монтан-треста» на континенте несомненно было бы тяжёлым ударом, обещали им более значительные выгоды, они внезапно обнаружили в себе национальные чувства и довели дело до военной оккупации Рурской области. Вместе с организованными рабочими и служащими они организовали пассивное сопротивление, а простиенская пресса громко затрубила в националистическую трубу, чтобы разжечь в стране ненависть к «исконному врагу» до кипения.

Когда пассивное сопротивление, стоившее немецкому народу огромных жертв, наконец пришлось прекратить, господин Стиннес не стал ждать решения правительства Штреемана, а вёл переговоры с французами самостоятельно. И как будто этого было недостаточно, он попытался убедить французские оккупационные власти ввести десятичасовой рабочий день для немецких рабочих в оккупированных районах, тех самых рабочих, которые до краха пассивного сопротивления были его союзниками в борьбе против французских кабинетов. Действительно, разве можно найти лучшую иллюстрацию истинных устремлений наших националистических балбесов?

Пуанкаре использовал предполагаемые нарушения Германией обязательств по поставкам угля во Францию как повод для ввода своих войск в Рурскую область. На самом деле это была лишь явная уловка, чтобы придать грабежу законный вид. Это следует из того факта, что Франция – за исключением Англии – была в то время самой богатой углём страной Европы и была вынуждена ввести дополнительный налог в размере 10 % на уголь из Саара, чтобы защитить французский уголь на внутреннем рынке. Фактически 20 % этого угля перевозилось обратно в Германию, и только 35 % поступало в французскую промышленность. Следовательно, о нехватке угля, которая оправдывала оккупацию, не могло быть и речи.

С другой стороны, немецкие промышленники тяжёлой промышленности и их союзники, крупные аграрии, которые извлекали огромную прибыль из ужасающей

нищеты своего народа, сделали всё возможное для защиты своих особых интересов, чтобы облегчить работу французским империалистам. Именно они с самого начала яростно сопротивлялись всем попыткам стабилизировать марку, потому что это позволяло им наиболее эффективно саботировать налогообложение промышленности и сельского хозяйства и переложить выплату репараций почти без исключения на плечи трудящихся. Постоянное снижение курса марки давало им лучшую возможность необоснованно повышать цены на все продукты и таким образом переключать все финансовые обязательства, наложенные на Германию победителями, на широкие массы местных потребителей. В результате этих тёмных махинаций не только сформировалась целая армия валютных спекулянтов, которые извлекали огромные прибыли из ужасающего обнищания масс, но и французским капиталистам была предоставлена возможность извлечь дополнительную прибыль из валютного кризиса в Германии. Так, по свидетельству тогдашнего французского министра финансов Ласейри, до конца октября 1921-го года Германия поставила топливо на сумму 2571 миллиона франков, за что, однако, из-за девальвации марки ей было зачислено только 980 миллионов франков. Таким образом, деловой эгоизм добропорядочных немецких патриотов обеспечил так называемому «исконному врагу» ещё более выгодный источник дохода за счёт чудовищной эксплуатации немецких рабочих.

В то же время из огромных сумм, которые Германия должна была выплатить Франции, лишь ничтожно малая часть была использована для восстановления разрушенных территорий. Как ясно показали скандалы, связанные с репарациями, львиная доля этих средств ушла в ненасытные карманы небольшого привилегированного меньшинства.

Как в Германии, так и во Франции, действительно страдающей частью всегда является рабочий класс, из которого в каждой стране власть имущие выжимают все соки. В то время как капитализм во всех воюющих странах почти задыхается в собственном жире благодаря огромным военным прибылям, миллионы пролетариев должны были своей кровью удобрять поля сражений по всему миру. И сегодня, когда война лишь изменила свои формы, трудящиеся всех стран являются страдающими, в то время как монополизм чеканит из их нищеты звонкие монеты.

II.

Трудно понять, как, несмотря на эти неопровержимые факты, среди социалистов самых разных направлений всё ещё можно найти людей, которые добровольно подчиняются националистической реакции. По нашему мнению, виной тому является лишь узколобая вера в государство, присущая подавляющему большинству современных социалистов. Фактически все современные политические рабочие партии стали необходимым придатком национального государства, причём подавляющее большинство их сторонников даже не осознает этого факта. До тех пор, пока эти партии выступали против буржуазного государства в роли парламентской оппозиции, их критика время от времени обнажала определённые недостатки, характерные для самой сущности государства. Но в тот момент, когда они сами оказались в положении, когда им пришлось формировать правительства или участвовать в так называемых коалиционных правительствах, их последний критический импульс по отношению к государству исчез и уступил место той безграничной вере в госу-

дарство, которая является одним из самых прочных оплотов современной реакции. И эта позиция определяет также их отношение к национализму. Поскольку они не могут представить себе общество иначе, как в форме государства, они понимают народ только в кандалах нации.

Но между народом и нацией существует та же разница, что и между государством и обществом. Любая общественная организация является естественным образованием, которое развилось под влиянием определённых жизненных потребностей и основано на осознании общих интересов.

Государственная организация — это искусственное образование, навязанное людям сверху, чья фактическая цель заключается в защите интересов привилегированных меньшинств за счёт общественности.

Народ — это естественный результат социальной организации, объединение людей, обусловленное родством взаимных отношений, общностью языка и определёнными особенностями их культуры, обычаев и т.д. Эта общая черта живёт в каждом отдельном члене народного сообщества и составляет важную часть его коллективного существования. Её нельзя ни искусственно создать, ни насильственно уничтожить, если только не истребить всех членов народа.

Народ может быть подвергнут иностранному господству и искусственно ограничен в своём естественном развитии, но никогда не удастся насильно подавить его естественные психологические и культурные особенности и склонности. Напротив, под чужим игом они проявляются ещё ярче и в этом случае служат своего рода средством защиты для существования всего народа. Опыт англичан с ирландцами, австрийцев с чехами, венгров с южными славянами, немцев с поляками, и это лишь несколько примеров из тысяч, являются классическими доказательствами неукротимой стойкости чувства общности, которое пытаются насильно уничтожить. В качестве типичного примера здесь можно привести и евреев.

Очень часто мы даже видим, что когда народ, угнетаемый иностранными завоевателями, находится на более высоком культурном уровне, чем его угнетатели, последние, так сказать, впитываются его более высокой культурой. Так, воинственные монгольские орды завоевали Китай и навязали китайцам маньчжурского императора, но в течение нескольких поколений монголы превратились в китайцев, поскольку их примитивная культура не могла сравниться с величием и утонченностью китайской культуры. То же самое явление мы наблюдали в Италии, которая на протяжении веков подвергалась набегам варварских народов. Но высокоразвитая культура страны снова и снова побеждала brutальную силу варварства, которое в конечном итоге лишь способствовало омоложению и новому оживлению старой культуры.

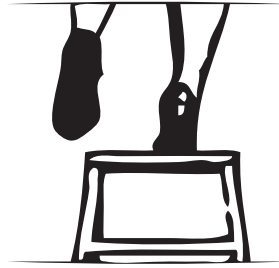
Это совершенно естественно, ведь народ нельзя насильно принудить к чужим обычаям, привычкам и образу мышления, так же как и отдельных людей нельзя заставить уложиться в узкие рамки чужой индивидуальности. Там, где происходит естественное сближение и постепенное слияние различных народов, это всегда происходит добровольно и совершенно бессознательно, посредством естественной адаптации, никогда не с помощью жестокой силы. Все человеческие культурные сообщества возникают именно таким образом.

Однако нация всегда является искусственным продуктом системы правления, точно так же, как национализм по сути представляет собой не что иное, как религию государства. Национальность никогда не определяется естественными, внутренними причинами, а исключительно внешними обстоятельствами и соображениями государственных интересов, за которыми, конечно же, скрываются лишь особые интересы определённых классов. Горстка политиков и дипломатов, всего лишь представители привилегированных меньшинств внутри государства, произвольно решают национальное существование и будущее определённых групп людей, которые должны подчиняться их диктату, потому что у них нет другого выбора и они не обладают правом на самоопределение. Например, жители нынешней Французской Ривьеры ложились спать как итальянцы и просыпались на следующее утро как французы, поскольку горстка дипломатов решила их судьбу за одну ночь. Жители Гельгольанда были частью английской нации и лояльными подданными британского правительства; но когда британское правительство решило продать их Германии, их национальность также претерпела радикальные изменения. Если за день до уступки их величайшим достоинством было то, что они являлись форпостом английской нации, то на следующий день после уступки их величайшая добродетель была истолкована как их тяжкий грех. История изобилует такими примерами. Они характерны для всей истории развития современного государства. Достаточно взглянуть на абсурдные и некомпетентные решения Версальского договора, и вы получите лучшую иллюстрацию того, как сегодня создаются нации.

Именно современное конституционное государство довело концепцию нации и сущность национализма до их окончательного развития. Абсолютная монархия, представляющая собой, так сказать, фетишистский период в истории развития государства, где автократ был видимым выражением всей системы, обращалась с подавляющим большинством своих бесправных подданных как с огромным стадом, предназначенным для доения. По этой причине она лишь изредка обращалась к ним за национальной обороной, которую поручала армии профессиональных солдат.

Только современное государство, которое, казалось бы, предоставило каждому гражданину право участвовать в управлении страной посредством введения всеобщего избирательного права, по-настоящему воплотило идею нации в полной мере. «Гражданин» занял место «подданного» и, очарованный своими новообретенными политическими правами, теперь должен был также принять на себя «обязанности», вытекающие из этих «прав». Избирательная урна стала жертвенным алтарём человеческой личности, избирательный бюллетень — документом добровольного, интеллектуального и экономического рабства.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Роккер Рудольф
Национализм и современная реакция
1929

Скопировано 03.06.2026 с <https://liberadio.noblogs.org/?p=3803>
Перевод с немецкого: Ndejra Из: Fanal, Nr. 8/1929

ru.anarchistlibraries.net